

Впервые за долгое время Инна Борисовна Кудлатая пришла на работу в хорошем настроении. Накануне ее поцеловал тот, кого уже целых три месяца она любила.

Ее нравилось ей в Николае Васильевиче Гоголькове, внешность, манеры, разговоры. А больше всего нравилось, что новый директор оказался неженатым.

Инна Борисовна делала ему глазки. На переменах, на школьных линейках, на педсоветах. Она бегала к нему в кабинет по неотложным вопросам.

Не только Инна Борисовна, но и иные коллеги, тоже из одиноких, оживились и расцвели.

И вот — случилось. День рождения директора. В коллективе скинулись и накрыли стол.

Исполнилось Николаю Васильевичу Гоголькову двадцать восемь. Успевшая ухватить место рядом с именинником, Инна Борисовна Кудлатая первая подняла тост и первая поцеловала Николая Васильевича в самые губы. Ее примеру последовали другие. Директор улыбался, он считал неприличным бороться с дамами.

В этой школе он был единственным холостяком.

Было еще двое мужчин, но — женатых, физрук и сторож. Оба любили выпить и появление в школе третьего мужика восприняли на ура.

Словом, многие возлагали на Гоголькова самые различные надежды.

Николай Васильевич, разумеется, ощущал тайный ажиотаж вокруг своей персоны, но не придавал этому значения. Его, увлеченного внедрением давно назревших педагогических реформ в местном болоте, ничто иное не интересовало.

Что касается именинного банкета с борьбой невест за жениха во главе стола и далеко идущих сердечных планов Инны Борисовны, то здесь ей удалось обставить конкурентов.

Она находчиво, втихая, договорилась с директором, что проводит его домой.

Когда она, вцепившись в локоть Николая Васильевича, уводила его из школы, то на них, конечно, смотрели.

То ли еще будет, торжествуя думала Инна Борисовна.

Наконец, они пришли к двухэтажному дому.

Репутация этого двадцати четырех квартирного сооружения как символа единственного городского оазиса посреди сельской глуши сошла на «нет» очень давно. Когда в эпоху уничтожения колхозов было раздолбано к ужасу интеллигентов еще и центральное отопление. Вот тогда суровые отечественные зимы для жителей многоквартирного оазиса и обрели особый оттенок непростой русской романтики. Бороться с холодами интеллигенты научились кто с помощью каминов и котлов, ну, а кто с помощью пол-литры и народных гуляний. Словом, здание это стало в селе наподобие веселого общежития. Сельчане нарекли его Домом культуры, взамен другого, разграбленного в девяностые, помпезного советского дворца с белыми колоннами, почившего в дебрях заброшенного парка отдыха с его нынешними позорными остовами скамеек, с липкими от грязи ручейками дорожек, из которых по ночам неизвестные ковыряли-ковыряли, да и выковыряли всю тротуарную плитку.

Николаю Васильевичу выделили однокомнатную квартиру на втором этаже. Сюда он приходил обычно на ночь, чтобы прямо на полу, поверх расстеленного одеяла, выспаться и снова вернуться в школу.

Сейчас, когда он и его спутница, как и подобает людям несемейным, неприкаянно, по-сиротски топтались под разбитым фонарем возле подъезда, словно не знали, а куда идти, а где жить, да и вообще как именно жить-то, к ним из открытых форточек доносились сигналы полноценной семейной жизни многоквартирного рая. Бурлили где трезвые, а где не трезвые разговоры, звякала посуда, пахло жареной картошкой, шумели телевизоры, пищали младенцы, хохотали и топотали по комнатам не желающие спать дети. С другой стороны села было слышно, как пьяный мужик под лай собаки ругал матом «дуру-жену».

— Ну, что же мы, так и будем стоять? — сказала утомленная ожиданием любви Инна Борисовна и вытянула дудочкой губы.

Захмелевший после банкета Николай Васильевич взглянул перед собой и, подумав, облобызал «дучку».

После поцелуев и приятных разговоров Инна Борисовна предложила теперь уже ее проводить домой, и Николай Васильевич имел больше права отказать.

— Вы, наверное, родственник тому самому Гоголю, а, дорогой мой почти Гоголь? — говорила Инна Борисовна и налегала на Николая Васильевича всем телом, колыхающимся от смеха.

У директора от ее телодвижений шла голова кругом. Он с удовольствием соглашался, да, потомок, да, Гоголя, в честь него двадцать восемь лет назад его и назвали драгоценные родители, преподаватели русской литературы.

— Да что ты говоришь! — Инна Борисовна перешла на «ты» («Пора!» — мелькнуло в ее голове). — Значит, я с твоими предками найду общий язык.

И она снова налегла на Николая Васильевича.

— Ты думаешь? — сказал он с глупой улыбкой, тоже перейдя на «ты».

Они пришли к дому Инны Борисовны и стояли возле калитки. Их громкие голоса разносились в ночной тишине.

Над головами мигало звездное небо. Заворчал пес в будке, всхлипнул какой-то зверь, и снова резанул тишину смех Инны Борисовны.

Дверь в доме приоткрылась, в полоске электрического света высунулась голова женщины. Это была мать Инны Борисовны — Екатерина Михайловна Кудлатая. Увидев, что дочь пришла с мужчиной, Екатерина Михайловна закрыла дверь. Но тут же дверь опять скрипнула, на этот раз выглянул отец Инны Борисовны — Борис Петрович Кудлатый. Поглядев с полминуты на кавалера дочери, Борис Петрович закрыл дверь. В доме исчез свет в окнах. Это означало, родители Инны Борисовны в щелочку между занавесками смотрят на молодых.

— Что ты имеешь в виду?

— Потому что я тоже училка литры, как и твои папочка с мамочкой, а значит, общий язык с ними мне обеспечен, — снисходительно к мужской тупости растолковала Инна Борисовна.

Она засмеялась и придвинулась коленками.

— А у меня как раз завтра Гоголь-могиль в шестом, — сказала она, напирая на коленки Николая Васильевича.

— Правда?! — директор воскликнул, пожалуй, слишком искренне, но эта его, даже если и напускная, горячность все равно Инне Борисовне понравилось.

— Правда! — сказала она и чмокнула его в щеку.

Он помолчал и, наконец, довольно решительно признался, что как раз именно завтра планировал прийти к ней на урок.

— Я буду ждать тебя! — сказала Инна Борисовна на прощанье.

Он слово сдержал.

Инна Борисовна урок проводила на подъеме. Она засматривалась туда, где за последним столом маячила длинная фигура директора. Он боролся с дремотой и силился придать лицу внимательное выражение. В его голове бродил не выветрившийся после вчерашнего застолья хмель, а душу томили свежие воспоминания о поцелуях Инны Борисовны.

За всю свою не такую еще и длинную жизнь Николай Васильевич не имел пока отношений с женщинами. В университете как-то было все некогда — учеба, сессии, ну, а потом и вообще. Преподавание истории в городской школе. Он отдался педагогике целиком и безоглядно. Работа захватила его. А после уроков, конечно, футбол с пацанами, под восторженные крики девчонок, а в выходные — походы с классом за город в леса и горные дали.

Его энтузиазм оценили и предложили повышение — в места, правда, глуховатые... Но ведь, сказали будущему директору полупустой школы, кому, как не таким, как он, поднимать село, просвещать народ, восполнять, в конце концов, нехватку кадров. Да, с бытом не вполне. Дороги не ахти. Ну, газа нет. Что еще? С водой напряг. Но ведь, елки-палки, есть то, чего в городе нет: деревянные дореволюционные колодцы с замечательной ключевой водой. И, не менее важно, порядок с электрификацией. Ну, а главный козырь — интернет недавно появился. Пусть на тридцать лет позже, чем хотелось. Но ведь появился. Благодаря, кстати, увлеченному радиоэлектроникой смекалистому десятикласснику-патриоту. Пацан уговорил местных мужиков за бутылку водки сварить из стальных прутьев многометровую вышку. И это чудо-юдо вместе с прифигаченным роутером обеспечило деревенские избы интернетом. Вот какой потрясающий патриотизм. Стране нужны патриоты. Страна зовет. Подрастающее поколение требует жертв. На такие речи высшего начальства Николай Васильевич, конечно, с горячим чувством откликнулся.

— Дети. Сегодня мы начинаем изучать творчество удивительного русского писателя. Его имя...

Тут Инна Борисовна поймала взгляд директора, вспыхнула и сказала:

— Николай Васильевич Гогольков.

Услышав свою фамилию, директор очумело взглянул на Инну Борисовну. Его взгляд показался ей таким страстным, таким влюбленным, что ей захотелось летать, петь и даже плакать.

— Гоголь, а не Гогольков.

Это сказала отличница Нина Умехина. Она сидела под носом у Инны Борисовны. Перед Умехиной, рядом с ноутбуком, лежали смартфон и учебник, открытый на странице с биографией писателя.

После запоздалого прорыва в глобальную паутину в селе, понятное дело, наблюдался бум вокруг гаджетов, а в местной школе даже полагали, что благодаря интернету улучшилась дисциплина. Ведь дети теперь на уроках не столько баловались, сколько торчали в своих телефонах.

— Именно Гоголь,— повторила с воодушевлением Инна Борисовна, не смутившись оговорки.

Она, если честно, ненавидела свою профессию. Школу она называла дурдомом. Детей же побаивалась, потому что те, жаловалась она своим папе с мамой, садились ей на голову.

Но сегодня ничто не могло выбить из колеи Инну Борисовну.

Да и шестиклассники в присутствии дирижабля вели себя непривычно хорошо, без запусков бумажных самолетиков.

С сегодняшнего утра Инна Борисовна воспринимала работу под новым углом зрения. Она обнаружила себя вдруг в прекрасном и очень близком будущем. Таком же близком, как сидящий неподалеку от нее Николай Васильевич Гогольков. Там, в будущем, случится то, чего она так ждала эти беспросветные годы: счастье.

Когда она переводила взгляд с дремлющего Гоголькова на сидящих перед собой детей, то, конечно, думала не о них, а о других детях. Их еще нет, но они, она была уверена, обязательно появятся у нее с Гогольковым. Когда она смотрела в окно, то наблюдала там, за коровниками и полями, там, под солнцем, те самые свои новые жизненные горизонты.

— Гоголь Николай Васильевич написал, дорогие мои, много великих книг. Писал он гениально. И как это свойственно гениям, ушел из жизни в цветущем возрасте. А прожил он всего лишь...

Тут Инна Борисовна запнулась. То ли из институтской учебы, то ли из интернетной помойки, в памяти брезжили обрывки полученных знаний — Гоголя по недоразумению вроде похоронили живым, и он оттого в гробу перевернулся, а перед тем, как его похоронили, он сжег рукопись нового тома «Мертвых душ». Но вот сколько он жил лет — тридцать, сорок, а может, и все пятьдесят,— это Инна Борисовна не могла точно сказать.

Не завершить начатую фразу означало для нее позор и публичное признание в невежестве. Она украдкой скользнула взглядом по физиономиям. Слушатели, из тех, кто не сидел в телефонах, как назло, не отвлекались и явно ждали продолжения. Оно им надо, подумала она.

На подсчет, а сколько же, в самом деле, он жил, у Инны Борисовны были секунды. Она бросила взгляд в учебник на столе Умехиной. Ага, вот оно: 1809 — 1852. От «1852» отнять «1809». Без калькулятора, в голове, второпях, это ужас. Но что-то, да получится. Получилось «32». На повторный пересчет времени не было. Молчать становилось неприлично.

Она удивилась, Гоголь умер, оказывается, в ее возрасте, и вслух сказала:

— ...тридцать два года! Представляете, как мало! И как много успел!

Она перешла к лекции творчестве Гоголя, собираясь пересказать самое захватывающее из того, что было в ее памяти, а это в первую очередь, разумеется, фильм «Вий». Но опять послышался голос Умехиной. По ее подсчетам в ноутбуковском калькуляторе получается отнюдь не тридцать два. Да и смартфонская Википедия о том же. Умехина показала экран смартфона: умер в сорок два года. И если погуглить, те же цифры.

Инна Борисовна молниеносно оценила катастрофу. Она мысленно чертыхнулась по поводу забытого дома планшета, подсказкой которого могла бы так же успешно воспользоваться, как сейчас это сделала Умехина. Но утром Инна Борисовна была в столь расчудесном настроении, что прилетела на работу без сумки, без бумаг, без стопок смертельно надоевших ей ученических тетрадей. Без всего. Налегке. Как это случается с очень счастливыми людьми.

В ее голове вновь пронеслось все, что она когда-то слышала и читала о Гоголе. Самой яркой в этом биографическом компоте была спасительная для нее история то ли о мнимом, то ли о реальном сумасшествии Гоголя. На этой мысли Инна Борисовна и выстроила экспромтом дальнейшую версию знаменитой биографии.

— Понимаете, дорогие мои,— сказала она ласковым и даже вкрадчивым голосом.— Существует такое понятие, как творческая жизнь. Так вот, хотя Гоголь и прожил на физическом уровне действительно сорок два, с этим никто и не спорит, но с точки зрения творчества жизнь его, как литератора, завершилась гораздо раньше.

Тут она понизила голос.

— А теперь — то, что не афишируют. Завесу над жуткой тайной я лично для вас, дети, в порядке исключения, так и быть, приоткрою. Но с условием. Эту тайну вы сохраните до своей гробовой доски и ни-когда и ни-ко-му не расскажете.

В голосе Инны Борисовны появились драматические и почти замогильные нотки:

— Итак. Внимание!

Тут Инна Борисовна выдержала многозначительную паузу, сделала страшные глаза и обвела класс взглядом этих своих страшных глаз.

Даже те, кто сидел в телефонах, теперь заворожено смотрели на Инну Борисовну.

— Гоголь, увы, сошел с ума.

И она продолжила заговорщицким и каким-то совсем уже кровожадным голосом, так, будто описывала истории упырей из блокбастеров:

— На этой почве он даже сжег рукопись следующего тома «Мертвых душ». Представляете?! Главный вывод: именно по причине чокнутости последние годы существования Гоголя оказались ну просто натурально вычеркнутыми из жизни.

И в заключение деловито, голосом ученого лектора, почти скороговоркой:

— Вот почему, дорогие мои, отдельные продвинутые литературоведы не без оснований полагают количество прожитых Гоголем-писателем лет равным вовсе не сорока двум, а с точки зрения сочиненного им в здравом уме — тридцати двум. Все, что у него после тридцати двух, это не творчество, это не жизнь, а....

— Сумасшествие,— сказала смекалистая Умехина.

— Именно,— подтвердила Инна Борисовна.— Согласитесь, дорогие мои, назвать полноценной жизнью сумасшествие — ну, ни в какие ворота, а уж для писателя и вовсе смерть. Се ля ви. Но, тс-с, это тайна!

Раскрасневшаяся от пережитого волнения, Инна Борисовна выдохнула и мысленно восхитилась своей находчивостью.

После этого она взглянула, наконец, на директора. Тот спал.

«То ли еще будет!» — вновь, как и накануне после банкета, когда она под руку уводила Гоголька из школы, подумала Инна Борисовна, и ощутила необыкновенный прилив сил.